

Насколько мы, студенты, мало интересовались подлинной религиозной жизнью, видно хотя бы из одного факта. Прошло 3 месяца. Мы успели обходить все музеи, театры, Публичную библиотеку (и то очень немногие – эту); прослушали профессоров и откинули их (ходило лишь по 2–3 официальных дежурных)... Наслушались всяких хоров. И не удосужились видеть славного, знаменитого на всю Русь, чтимого и за границей, великого молитвенника, чудотворца – о. Иоанна Кронштадтского.

Разве это не плачевно?! Разве это не знамение хладности духа? Ну, хотя бы из любопытства – даже и этого не оказалось. И огромное большинство, за исключением, может быть, 5 или 10 процентов, так за 4 года обучения и не пожелали видеть его! И даже начальство и профессора никогда ни одним словом не обмолвились о нем... А нужно было его звать, умолять посетить нас... Ведь посещал же его народ ежедневно тысячами, стекавшимся из всей Руси великой в Кронштадт... Мы же, будущие пастыри, не интересовались. Стыд и позор! И в числе 2–3 человек мы, уже в ноябре, и то больше из любознательности, отправились в Кронштадт и увидели этого духовного гиганта... Что это значит?

Церковь – высшие интеллигентные слои ее – не жили жизнью духа, а умствовали. Ну, а о. Иоанн... какой же, мол, ученый?.. Он – не от науки; не интересен...

Но и наукой-то мы тоже не интересовались. Ничем особенно не интересовались: жизнь духовная глохла.

Вдумаешься – и жутко становится... А еще многие думают, что до революции все было будто бы прекрасно... Нет и нет! Столбы уже подгнили. Крыша еще держалась, а фундамент зашатался. И никакие подпорки не могли исправить нашего дома.

Один мой знакомый, потом занимавший очень высокий политический пост, М., говорил еще в 1910-х годах в СПб: «Если с Россией не случится какая-либо катастрофа, то все погибло...» И другой политик – писатель, б. революционер, Т.²³, тоже записал в дневнике своем следующие слова о Церкви (1907 года): «Не отрадно и все касающееся России, и еще важнее Церкви. Поражены пастыри, обезумели овцы; и не видать, не чуется нигде Божия посланника на спасение наше... Если не будет бурного кризиса, революции – то будет медленное (курсив его) *гниение*. Не вижу данных на *мирное обновление*. Есть, может быть, шансы на усталость и разочарование всех и во всем. Отовсюду может возникнуть мирное прозябание и гниение... Но ведь это еще хуже, чем революция» (Красный архив, т. 61, с. 85).

«Господь нас покинул на произвол адским силам. Мы внутренне пали» (94). ... Уже (!) «и о душе пора подумать».

А то все прежде было не до этого... Другое всем представлялось важным: политика, материальное устройство, удовлетворение чувственных запросов, ну еще, может быть, науки, искусство... Это все называлось и было действительной жизнью...

А религия? Ну, разве же это жизнь? Даже неловко говорить жизнь... Ну, в лучшем случае сумма холодных догматов, ярлык верующего... Если и будет нам религия – жизнью, – то лишь там, на небе... А теперь? – теперь мы жили и живем всем, только не верою... Еще не стары: еще не пора и о душе подумать. А жизнь один же раз дается... Пользуйся же жизнью, всяк живущий. А другим и она уже прискучила. Духовенство же не могло влить в охлаждающее тело огня живого; ибо и сами мы прохладно жили, не горели.

И в самом деле: ну зачем для меня нужна Пресвятая Троица? Есть ли у меня к Ней какое-либо живое отношение – или осталась лишь признающая вера? Зачем мне нужен Христос, воплотившийся Сын Божий? Есть у меня непосредственная живая связь с Ним?.. Что такое благодать? Знаю ли я ее? Я слышал о ней; я верю, что она где-то есть; но не для меня... А я? – о, я, мы сами все можем, сами строим и свою личную жизнь, и общую, человеческую...

Я много раз задумывался именно над вопросом о благодати. Я в школах научен был знать об этом, что-де все доброе дается от благодати, от Св. Духа. Но откровенно здесь сознаюсь, что в глубине души не только не чувствовал этого, но даже, признаться, и не очень-то соглашался. Наоборот, как и все кругом, думал: человек сам все может.

В такой вере в человека построено было даже обучение наше – психологии, нравственному богословию... Все совершается естественными усилиями нашего ума и воли. Не только в психологических учебниках, но и в жизни не было места для вмешательства иной силы, благодатной...

Расстраивается жизнь государства? Ну, что же? Вот соберемся, раскинем умом, изобретем новые политические формы, и ... поправим. Падает вера? Учебный комитет предпишет и укажет – и ... поправится дело.

Патриотизм выдыхается? – Ну, ... как-нибудь и тут обойдется.

Нравственность пала? Вот заведем общее образование: «Наука спасет мир», – сказал один ректор университета при открытии его. (А в это время нас, ученых, уже выжимали со всей России большевики... И поделом!)

Так все и катилось вниз... Неуклонно. «Человек! – Это звучит гордо», – кто-то говорит у Горького, этого пророка момента. Один архиерей (еще ныне, в 1939-м, живущий в ссылке) говорил мне, в Москве, когда мы с ним ехали проповедовать в один из замоскворецких храмов:

– Только теперь я понял, почему мне нужен Христос Господь лично! – а он был прежде не только законоучителем, но и миссионером... И ему в то время было не менее 52–54 лет.

Разве же это не знамение оскудения духа? А вот о. Иоанна Кронштадтского мы не жаждали видеть... Предполагаю, что и этот архиерей едва ли горел прежде желанием видеть великого Светильника веры...

Не юродивые ли мы девы?! Не светильники без елея?! И правду пишет тот же политик Т.: «Все земное разбито. Теперь можно жить только небесным... Только... Пишу это слово, эту фразу, и уже она показывает, как мало я готовился к небесному, как мало места занимает оно в сердце! Значит, небесное-то я оценил собственно неожиданно, поскольку оно окрашивало (прежде) земные формы и земное содержание жизни. Как "юродивая дева» не запас масла; и нечем зажигать светильника при звуках: «Се Жених грядет...» Все масло пожег на царей да на народ; а теперь ни царей, ни народа нет; один Жених грядет; а в светильнике пустота» (87 с.). «Вся моя публицистика разлетелась... Большие и малые труды – просто комичны по судьбе, – начиная с рабочего дела, проходя через монархию, и кончая Церковью» (91 с.).

Нелестно отзывается он и о нас, епископах, – что мы все приспособляемся больше: «только бы не бороться... Это похуже младенчества» (о коем ему писал казанский

профессор церковного права Бердинков) – и это теперь характеристическая черта всех представителей наших основ (87 с.): ТЕПЛОХЛАДНОСТЬ.